

„Сон да Дремота—

Ване спать охота...“

(колыбельные песни)

Младенец еще только появился на свет, а его уже окружают заботой, укладывают в теплую колыбель под ласковую материнскую песню.

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок,
И утащит во лесок,
Под ракитовый кусток;
Там птички поют,
Тебе спать не дадут.

А какие слова добрые, сокровенные народ выбрал для самых первых песен своих малышей! Их величают (да, именно величают, а не называют) не иначе как дитятко, младенец, солнышко, хороший, желанный, милый, дорогой, пригожий, ненаглядный.

Спи-ка, Маша солнышко,
Спи ка, жито зернышко,
Спи, моя родная,
Рыбка золотая.

И само название колыбельных песен идет от основы слова «колыбать» — колыхать, колебать, качать, зыбать. Неслучайно и детскую кровать-качалку зовут колыбель, зыбка.

Укачивая своего несравненного дитятю, мама (бабушка) прекрасно понимала, что добрый продолжительный сон — залог здоровья и нормального роста ребенка, а постоянное общение с ним песней, напевной речью способствует его физическому развитию. Через колыбельную песню малыш усваивает первичный запас слов, без которого невозможно познание окружающего мира.

Баю-баю-баю-бай,
Спи-ка, Ваня, засыпай,
Тебя буду я качать,
Никому не дам кричать.

Во многих колыбельных песнях есть оберег — от сглаза, хвори — болезни, от горя — беды. Отсюда в них нередки обращения к силам природы, очищающим и освещающим душу, — солнцу, дождю, ветру.

Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Ярославль
Богу молиться,

Христу поклониться.
У Христа есть сирота —
Запирает ворота
Ключиком-замочником,
Шелковым платочником.
Баю-баюшки-баю,
Я младенца укладу.

Персонажи колыбельных песен разнообразны, интересны. Но чаще всего в роли живых существ выступают Сон, Угомон, Дрема, Покой — добрые спутники тишины, сладкого отдыха.

Ай, люли, люли,
Упокой тебя возьми,
Упокой дорогой,
Глазки ангельски закрой.

Конечно, эти мифологические персонажи появляются в колыбельных песнях неспроста. Каждая мать хочет, чтобы они, как ангелы-хранители; во взрослой жизни ее сына или дочери создали уют, мир, лад. И пела эти попевки благодарная мать, благословясь:

— Ангелы-хранители,
Где вы Ваню видели?
— Ваню видели в раю,
Лежит на самом на краю.
Сон да Дремота —
Ване спать охота.
Син-ка ,Ваня, с упокоем,
Тебя положом закроем.

К ребенку обращаются с пожеланием сна, здоровья, роста, послушания. Каждую колыбельную песню сопровождает материнское (или бабушкино) воркование, гулюкание, и на помощь приходят всем знакомые образы. Тут сладко — приятно мурлычет кот:

Котик, котичек, коток,
Котик — серенький хвосток,
Приди, котик, погулять,
Приди Ваню покачать.
Я тебе, коту, коту,
За услугу заплачу:
Дам кувшинчик молока
Да кусочек пирога.

Или воркуют неугомонные голуби (гули):

Ай, люли, люленьки,
Прилетели гуленьки.
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать,
Стали гули ворковать,
Стал мой Ваня засыпать.

Иногда в колыбельных песнях появляются существа, мешающие младенцу спать, и их надо «прогнать». Персонажем — «вредите-

лём» часто становится так называемый «бука», которому нет места в доме:

Баю-баюшки-бай-бай!
Поди ,бука, под сарай,
Моего Ваню не пугай!
Я за венником схожу,
Тебя, бука, прогоню,
Поди, бука, куда **хощь**,
Моего Ваню не тревожь.

Каким бы хотелось видеть сегодняшнего ребенка в будущей взрослой жизни? Конечно же, здоровым, сильным, умным, красивым, богатым. Вот и появляется в песенках «каша маслена» — символ сытой жизни.

Баю-баюшки-баю,
Живет барин на краю.
Он ни беден, ни богат,
Полна горница ребят.
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.

Так и вспомнятся золотые дни детства. В родимой избе к матице (балке) кольцо прибито, а в него засунут длинный гибкий шест, к его концу привязана зыбка — легкая, гладкая, мягкая колыбель. И вот от плавных движений материнских рук она качается, а колыбельная песня вместе с молоком матери дает тебе силу, доброту, красоту еще не осознанного тобою мира.

Благослови Ваню, Никола,
На теперешнюю пору,
На теперешний на час, —
Уклади Ваню сейчас.

—«Сорока—

ворона

кашу

варила...»——

(пестушки и потешки)

Неуютно, тесно становится в люльке, ребенок головку поднимает, ворочается с боку на бок, потом садится. И мама с ним начинает делать разные «потягушки-порастушки», сама себе совершенно не давая отчет, что занимается с ним зарядкой, укрепляя его детское тельце. Поглаживая по животу, потягивает ножками,

глазенки разбегаются, — изучают незнакомые предметы нового мира. Все движения сопровождаются добрыми, ласковыми словами.

Настало время пестушек. В словаре В. И. Даля сказано, что пестовать — значит «нянчить, носить, вынашивать на руках ребенка, растить, холить, ходить за ним.» Поэтому пестушки представляют собой как бы свод приемов физического воспитания, разработанных народной педагогикой.

Распеленав ребенка, пестуют:

Потягушки, порастушки,
Поперек толстунюшки,
А в ножки ходунюшки,
А в ручки хватунюшки,
А в роток говорок,
А в голову разумок.

Малыша учат осознанному движению руками:

Гуси летели,
Лебеди летели,
Гуси летели,
Лебеди летели..
Тягеньке — сажень,
Маменьке — сажень,
Дедушке — сажень,
Бабушке — сажень,
А Ванюшеньке —
Большую, пребольшую...

Все помнят из детства пестушку, когда ребенка берут на руки — и поскакали:

Поехали, поехали,
С орехами, с орехами!
С калачами, с калачами!
Поскакали, поскакали,
Вприпрыжку, вприпрыжку
По кочкам, по кочкам —
Бух в ямку!

И с замиранием сердца ребенок чуть-чуть проваливается между колен, готовясь к скорым «падениям» на своих первых шагах «пешком под стол». Подготовка началась!

Вот и первые ушибы, при них уговаривают:

У кошки боли,
У собаки боли,
А у Ванюшки не боли.

Или по-другому:

У лисы боли,
У волка боли,
У Ванюшки боль
На березу в лесу улети.

По соседству с пестушками живут в народной педагогике по-

тешки — песенки и приговорки к первым играм и забавам с пальцами, ручками, ножками. Они призваны потешить, развеселить, позабавить ребенка.

Одна из любимых детских потешек-игр, очень умная и полезная для них, в «ладушки». По ней малыши узнают своих бабушек и дедушек, распознают доброту и строгость.

— Ладушки, ладушки,
Где были?
— У бабушки.
— Что ели?
— Кашку.
Кашка сладенька,
Бабка добренька,
Дедка не добр —
Поваренкой стук в лоб!

Все дети умеют и любят играть в «сороку-ворону» и своим детским умком понимают, что бабушка (или мама) учат их работать — игрушки за собой собирать, одежду на место класть. Немудрено нравоученье — наперед помощь.

Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Деток скликала:
«Подьте, дети, кашу есть.»

(И пошли пальчиками перебирать...)

Этому дала на ложке,
Этому — на поварежке,
Этому — на лучинке,
Этому — на тычинке,
Этому — весь горшок!

Ясна наука: получил больше тот, кто воду носил, дрова колол, а кто ничего не делал — тот ничего и не получил:

Этому дала — он воду носил,
Этому дала — он баньку топил,
Этому дала — он дрова колол,
Этому не дала — он воду не носил,
Дрова не колол,
Баньку не топил.

А чтобы дать разрядку ребенку, развеселить его, идет в ход концовка:

Здесь тепленько,
Здесь холодненько,
А здесь ключики,
Ключики кипят!

Частенько бывает, когда малыш упрямится, отказывается кушать, тогда ему указательным пальцем и мизинцем изображают «козу» и, слегка укалывая ребенка, приговаривают:

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая,
Ножками — топ-топ!
Глазками — хлоп-хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает.

В таких песенках потешках и зарядка, и развитие внимания, реакции ребенка, и, конечно же, урок родной речи. Потешки являются первой ступенькой лестницы, ведущей к познанию богатств русского языка, к усвоению народной поэзии. Они, сопровождаемые определенным действием, готовят ребенка к восприятию шутки, юмора.

Станут детшки чуток побольше, будут хорюваты водить, плясать, танцевать и петь сами. А на день рождения обязательно споют:

Как на Ваннины именины
Испекли мы каравай —
Вот такой ширины,
Вот такой вышины,
Вот такой низины,
Вот такой ужины.
Каравай, каравай,
Кого хочешь — выбирай!
— Я люблю вас всех,
А Ляню больше всех!

И хорошо, когда дети поют, хорюваты водят и помнят бабушкины уроки.

«Где моя
б о л ь ш а я
л о ж к а?...»

(прибаутки)

Время неумолимо мчится вперед. Дети растут не по дням, а по часам. И потешки сменяются прибаутками.

Прибаутки — это смешной короткий рассказ, чаще всего в стихотворной форме, или смешное рифмованное выражение, придающее речи юмористический оттенок. Например, ребенка остерегают, пугая:

Не ходи за селом,
Там баба-яга с помелом,
Не ходи вопотьмах,
Ходит страх на погах.

Прибаутками также потешают, развлекают детей, но от потешек они отличаются тем, что не сопровождаются определенными игровыми действиями.

Нужно заметить, что потешки, подготовив ребенка к игре, обогатив его приличным запасом слов, достаточным для узнавания предметов и явлений, заканчивают его «колыбельный период». А прибаутки начинают маленький мирок превращать в бесконечно разнообразный мир, полный непонятого, нераскрытого, непознанного. Поэтому эти стишки-песенки призваны развивать богатое воображение детишек. Достигается оно обильным введением в тексты прибауток фантастических элементов, сказочного содержания, птицы, насекомые и звери наделяются человеческими качествами. Так, ворон играет на трубе, таракан рубит дрова, кошка шьет ширинку, коза собирает орехи, утка играет в дудки и т. п.

Среди прибауток есть и короткие песенки, часто без комического направления, обычно использующиеся как похвала ребенку, возможность поставить его в пример.

Наша доченька в дому,
Что оладушек в меду,
Что оладушек в меду,
Сладко яблоко в саду.

Такие хвалебные песенки имеют большое значение для детей: они заставляют их обратить на себя внимание и поступать таким образом, чтобы оправдать добрые слова.

Интересны прибаутки-шутки, похожие на колыбельные песни, с теми же героями (животными, насекомыми, птицами), выполняющими человеческие дела. Одна из них:

Кошка в лукошке
Рубашки шьет,
У нашей кошки
Три сдобные лепешки,
А ког на печи
Сухари толкет,
А у нашего кота
Три погребка молока.

Различают также прибаутки-диалоги, напоминающие игровые припевки. Они повествуют о быках, что «воду выпили», о козе, что «коней стерегла» и т. д. Например:

— Коза, коза, бя.
Где ты была?
— Коней стерегла.
— А где кони?
— В лес ушли...

Наиболее же поучительны прибаутки-притчи, которые похожи на анекдоты, но, в отличие от них, несут в себе прекрасный урок нравственности, урок воспитания. Такие прибаутки, облеченные в занимательную форму, высмеивают чаще всего лодырей, глупых, неразворотливых людей и т. п. Популярна такая притча:

— Федул, а Федул,
Чего губы надул?
— Кафтан прожег.
— А велика ли дыра?
— Да один ворот остался.

Тем детям, что вечно торопятся, делают все кое-как, наспех, часто приговаривают:

Сбил, сколотил —
Вот колесо.
Сел да поехал —
Ах, хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат!

На похвалбу ребенка отвечають прибауткой-притчей:

- Вань, ты где?
- Да тута.
- Что делаешь?
- Ведмедя поймал.
- Веди его сюда.
- А он не идет.
- Так сам иди.
- А он не пушает!

Урок бездельникам взрослые преподносят следующей прибауткой:

- Тит? А Тит?
- Чего?
- Иди молотить.
- Брюхо болит.
- Иди кашу ись.
- А где моя большая ложка?

Прибаутки поэтически хорошо организованы, в них чаще всего совершенная рифма, мерный ритм, богатая лексика, многообразие повторов, интересных сравнений, что способствует быстрому их запоминанию. Они несут обширную сумму знаний ребенку, помогают ему разобраться в сложном мире, открывают радость познания.

«Жили—были старик со старухой...»

(сказки)

«Посиди да погоди — сказка будет впереди!» — эти бабушкины слова глубоко запали в душу из уходящего все дальше и дальше детства.

Затаив дыхание, мы ждали встречи со знакомыми героями сказок — Бабой-Ягой, Кашеем Бессмертным, Кикиморой, Лешим. Всегда хотелось, чтобы любимые персонажи (Иванушка, Василиса, старик со старухой...) победили в схватке со злыми силами. И непременно на помощь приходили Серый Волк, Сивка-Бурка, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы...

Разные герои — всевозможные ситуации. Поэтому и различают сказки трех видов. Самые занимательные из них — волшебные (или фантастические), они любимы людьми всех возрастов. Волшебная сказка уводит нас в глубь веков, ибо она самая древняя.

Интересно, что наши носители старины сохранили в памяти больше сказок бытовых, в которых повествуется о крестьянской жизни: бедах и радостях, чаяниях и надеждах.

Конечно же, привлекательны и сказки о животных, близкие по содержанию и морали к басне.

Какая же из сказок лучше всего отложилась в памяти?

Отчетливо вижу сквозь розовый туман детства свою бабушку Александру Федоровну — огромную (как тогда казалось), добрую и ласковую. Я ее любил больше всех своих родных. Она с постоянным своим спутником — батожком, волоча по земле неслушавшую ногу, брала меня в лес, в поле, где мы собирали грибы-ягоды, разыскивали хорошие травы.

А в долгие зимние вечера, ежась от страха, я прижимался к бабушке на теплой печке. Так мы «сумерничали». Бабушка же каждый вечер начинала с одной сказки, любимой для нее и, конечно же, для меня.

Нет, она не рассказывала, а почти пела — по-былинному протяжно, меняя голос — и чувствовалось, что она и сама верила тому, о чем пела.

Приведу сказку в полном объеме, ее и сегодня можно услышать в наших деревнях, причем существует несколько вариантов. Называют же ее «Медведь на липовой ноге».

Жили-были старик со старухой в своей избушке. Настала зима. Старуха и говорит старику:

— Старик, старик, принеси мяса.

— Где я тебе найду мяса, старая карга?

А старуха и говорит:

— Сходи в лес и налови там мяса. Отруби у медведя ногу. Я буду шерстку прясть, на шкуре сидеть да кость грызть.

Пошел старик в лес. Идет, идет и видит: под колодиной медведь лежит, спит. Подошел к нему и отрубил ногу. Положил ногу в мешок и пошел домой.

Пришел домой старик и кричит на старуху:

— На, карга, ешь мясо!

Старуха села на шкуру, шерсть прядет да кость грызет.

А в это время медведь проснулся, заревел: ноги-то нет. Надрал он лыка да бересты, привязал к ноге и пошел. А нога-то скрипит. Вот он и запел:

Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая и березовая.
По селам спят, по деревням лежат,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мое мясо грызет,
Мою шерстку прядет.
А я иду и бабу съем, и старика съем.

Услышала баба, испугалась, залезла на печь. Разобрала за собой голбец и развела огонь. И ждет медведя.

А медведь поет:

Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая и березовая.
По селам спят, по деревням лежат,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мое мясо грызет,
Мою шерстку прядет.
А я иду и бабу съем, и старика съем.

Отворил медведь двери, полез на печь и свалился в огонь.

Старик со старухой слезли с печи. И стали они жить — поживать да мясо доедать.

Семья северного крестьянина в прошлом была чаще всего большой, многодетной. Розовощекие ребятишки — кровь с молоком — подрастали ни по дням, а по часам, как грибы после тепло-го дождика, становясь помощниками по хозяйству. А работы в деревне круглый год — хоть отбавляй. Отсюда и трудолюбие ценилось превыше всего.

Сказки запечатлели эту сторону жизни, в них, как правило, прославляется труд, а лень осуждается.

Хотелось бы как исключение, как скорбь, остановиться на сказках, в которых родители больше всего на свете желали иметь детей-наследников и продолжателей рода, помощников на старости лет.

Одна из таких сказок «Волденица» (в наших краях так ласково называют удивительный по красоте гриб — волнушку).

Жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Вот старик и говорит:

— Пошли-ка, баба, по грибы. Авось, что найдем.

Пошли они в лес. Дед — в одну сторону, баба — в другую.

— Ты, дед, как найдешь, так и кричи, — наказывает баба.

— Ладно.

Дед кричит:

— Нашла, баба?

— Нет!

Баба кричит:

— Нашел, дед?

— Нет!

Прошло немного времени, Дед и кричит:

— Я нашел две волденицы!

— А я одну! — отзывается баба.

— Ну ладно, пошли домой!

Пришли они домой, две волденицы засолили, а одну под подойник посадили. Легли спать.

Вдруг ночью кто-то кричит:

— Выпустите меня из-под подойника!

Дед услышал крик да и говорит:

— Пошли, баба, там кто-то кричит.

— Пошли.

Подняли они подойничек, а там сидит паренек.

И стал он им помогать да счастья дожидать.

Тут и сказке конец, кто слушал — молодец, а кто не слушал — тому головешки в уши.

Выше уже говорилось, что сказка воспевает самые благородные нравственные качества человека, а такие пороки, как лень, зло, непослушание, — безжалостно осуждаются.

От Павлы Александровны Хрушковой, жительницы деревни Горбово Сокольского района Вологодской области, мне удалось записать сказку «Дудочка», которую она запомнила от своей бабушки.

Жили-были старик со старухой, и не было у них детей.

Вдруг однажды под вечер стук в дверь. Открыли старикн, входит девочка и говорит:

— Здравствуйте, мама и папа! Теперь я буду у вас жить.

Обрадовались они дочке, не знают, куда усадить, чем накормить. А Алена и в самом деле просужая была, во всем старикам помогала, да и соседи не могли ей нарадоваться.

Летом приходят к Алене подружки-сестренницы и зовут ее в лес по ягоды. Баба с дедом наказывают:

— От подруг не отставай и вперед не убегай.

Взяла Алена кузовок и пошла в лес с сестренницами.

Напали они на ягодное место, сестры ягодки — в рот да в рот, а Алена — все в кузовок.

Смотрят сестренницы — а у Алены кузовок уж полный. Испугались они, что дома их заругают, и порешили Алену убить, под колдуну схронить а ягодки меж собой разделить

Убили они Алену, под колодинкой схоронили, ягодки меж собой разделили и домой ушли. И вырос на могилке ягилек — большой да красивый.

Пастух коров пас, у колодины той отдыхал, дремал да облюбовал ягилек, взял и срезал его, сделал дудочку и задудел в нее. Дудочка и запела:

Вы, гудки, не гудите,
Матушку не будите.
Матушка, потихоньку,
Батюшка, помаленьку.
Две меня сестрицы убили,
Под колодиною схоронили,
Вырос там ягилек,
Срезал его пастушок,
Сделал дудочку.

Услышали пастушью песню люди, сбежались и просят его повторить. Пастух снова задудел в дудочку:

Вы, гудки, не гудите,
Матушку не будите.
Матушка, потихоньку,
Батюшка, помаленьку.
Две меня сестрицы убили,
Под колодиною схоронили,
Вырос там ягилек,
Срезал его пастушок,
Сделал дудочку.

Подоспели тут баба с дедом, разрезали дудочку, и вышла из нее Аленка. Стали они ее целовать да обнимать. А сестриц тех из деревни прогнали. И стали они жить да поживать — и горя не зная.

В бытовых сказках, рисующих крестьянскую жизнь, в качестве героев мы видим бедного и богатого мужика — простоту и скупость, трудолюбие и сытую, беззаботную жизнь. И интересно, что по подобию своих хозяев противопоставлены и их домашние животные. Это наглядно показывает сказка о двух козах, услышанная от Павлы Александровны Хрушковой.

Жил в одной деревне жесточный хозяин, был он скуповат. Держал тот хозяин козу. И решил для нее на лето нанять пастуха.

Порядил бедного мужика из другой деревни. Уговор был один: чтобы коза довольна пастухом была. А хозяин обещал кормить работника, а под осень деньгами одарить.

Пас бедный мужик козу исправно: с утра до вечера по заливным лугам водил, из самых чистых ключей водицей поил. Домой пригонял поздно.

Каждый день богатый хозяин встречал козу, поглаживая по бокам, спрашивая:

— Как, козочка моя, сыта ли ты?
Коза отвечала:

— Ни поена, ни сыта!
Шла через мосточек —
Схватила лавровый листочек,
Шла через речку —
Лизнула капельку водички.

Невзлюбил хозяин пастуха, бранил его каждый день, а коза все одно пол вечера твердила:

— Ни поена, ни сыта!
Шла через мосточек —
Схватила лавровый листочек,
Шла через речку —
Лизнула капельку водички.

Настала осень, дело близилось к расчету. Вызвал богатый хозяин пастуха в дом, ничего не заплатил ему за работу. Выдохнул бедный мужик, ни слова не сказал, только голову ниже опустил и ушел восвояси.

Подходит снова лето. Надо козу пасти. Опять нанимается к богатому хозяину старый пастух. И наказывает ему хозяин козы строго настроено пасти свою любимицу, чтоб та довольна была.

По соседству с богатым жил хозяин победнее да и подбрее, и он держал козу. Решил и тот отдать свою козу пасти бедняку.

Пасет мужик двух коз лучше прошлогоднего: на самых заливных лугах кормит, из лучших ключей водицей поит.

Встречают хозяева своих коз под вечер. Богач поглаживает свою любимицу и спрашивает:

— Как, козочка моя, сыта ли?

Та недовольно отвечает:

— Ни поена, ни сыта!
Шла через мосточек —
Схватила лавровый листочек,
Шла через речку —
Лизнула капельку водички.

А хозяин, что победнее, пастухом не нарадуется: коза приходит домой сытая, веселая, а донт столько, что молока хватает не только себе, но и соседям.

Обидно стало богачу, что его коза хуже соседской, и он со злости да с зависти прирезал ее.

А пастух с той поры навсегда поселился в деревне: скот пасет да людей радует. И по сей день пасет.

Делая некоторые обобщения сказанного о сказках, хочется еще раз подчеркнуть, что за фактическим и бытовым, необычайным и житейски простым, сказка всегда защищает разум и справедливость, воспевае труд и мастерство, благородные помыслы

человека, любовь к Родине, верность в дружбе, любви.

Каждая сказка — это выражение характера народа, его жизненной позиции, сокровенных желаний.

Слушая сказку, невольно вживаешься в мир ее героев, и она пробуждает у нас целую гамму ощущений: веселье, юмор, радость, смех, нежность, жалость, горе, ужас.

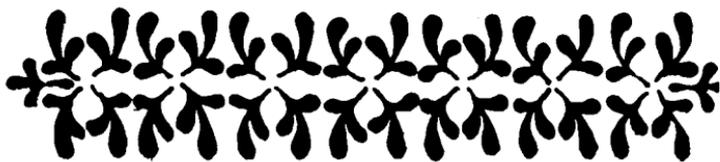
Сказка, как любой жанр устного народного творчества, всегда носит дидактический характер — поучительность, назидательность, утверждение моральной истины.

Наши бабушки хранят в своей памяти еще много сказок, и очень хотелось бы, чтобы они стали нашим национальным достоянием.

Хорошо об этом сказал писатель Чингиз Айтматов: «Сказка — это опыт человечества. Мы должны беречь сказку так же, как бережем памятники старинного зодчества.»

«Сказать тебе

сказочку?»

(докучные сказки)

Многие из нас без труда припомнят, как просили маму или бабушку рассказать сказку в ту пору, когда им было совсем не до нас — дел невпроворот. Но, видя, что мы не отстанем, они на ходу, делая вид, что готовы исполнить нашу навязчивую просьбу, с хитрецей, растянуто начинали:

Жили-были два гуся...

Вот и сказка вся!

Нашему огорчению не было предела: как же так, мы жестоко обмануты! И, обидевшись, отходили в сторону.

Так что же это за сказки, которые уж больно быстро кончаются и приносят скорее всего не радость, а огорчение? Такие сказочки принято называть докучными, и объединяют они шутки — балагурки сказочного характера, которыми они развлекают детей, или стараются отбить у них чрезмерный интерес к сказкам. Так назвал их впервые еще в 1862 году Владимир Иванович Даль, прекрасный их знаток и собиратель.

Докучные сказки именуется еще и сказочками-издевочками. С этим нельзя не согласиться. Не правда ли? Мы приготовились, наострив уши, слушать интересную, увлекательную сказку с превращениями и приключениями, и бабушка настранивает нас на такой лад: «Слушайте, детки, я расскажу вам сказку хоро-о-о-шую, до-о-олгую.» А что предлагает сама:

В некотором царстве,
В некотором государстве
Жил-был царь.
У царя был сад.
В саду был пруд.
В пруду был рак;
Кто слушал —
Тот дурак.

Среди сказок-коротышек есть издевки, содержащие вопрос-ответ, например:

Хочешь сказку про лису?
Она в лесу.

Чем же тогда они нас привлекают? Прежде всего тем, что они имеют сказочное начало («Жил-был царь...», «Жили-были баран да овца...», «В некотором царстве...»).

Но сказочное повествование, так заинтересовавшее слушателя, всегда нарушается издевкой. Чаще всего эта издевка почти безобидна, когда, только начав сказку, заявляют о ее окончании:

На улице лето,
Под окошком лывка,
В лывке елец —
Сказке конец!

А сколько сказок содержат издевку, предлагающую ждать долго-предолго! Напомним одну из них:

Был себе царь Додон.
Застроил он костяной дом.
Набрал со всего царства костей,
Стали мочить — перемочили,
Стали сушить — кости пересохли,
Опять намочили,
А когда намокнут —
Тогда доскажу.

Среди докучных сказочек встречаются очень поэтичные, даже сюжетные произведения, их приятно слушать и вот уж поистине жалеешь, что сказка «скоро сказывается». К примеру, эта:

Плавал и плавал у плотины карась,
Сказка моя уже началась.
Плавал и плавал карась у плотины,
Сказка рассказана до половины,
Поймал бы я вам за хвост карася,
Да жаль, что сказка рассказана вся.

Что греха таить, есть сказки с грубо оскорбляющей издевкой, типа той, которая кончается словами: «Кто слушал, тот дурак!» Но таких сказок совсем мало, грубость — не характерна русскому народному творчеству. Чаше издевка в них состоит в том, что последние слова вовсе не оканчивают докучную сказку, а всего лишь перебрасывают мостик к бесконечному повторению.

В некотором царстве,
В некотором государстве
Жила-была ворона,
И вздумала она лететь
В тридевятое царство,
В тридешатое государство.
Полетела,
Летела, летела, летела —
Да села,
Сидела, сидела, сидела —
Да полетела;
Летела, летела, летела —
Да села;
Сидела, сидела, сидела —
Да полетела...

Для чего же рассказывают такую «изнуряющую» сказку бабушки? Видимо, чтобы отбить у нас чрезмерную страсть к ним: хорошего понемножку.

Некоторые докучные сказочки достигают удивительного поэтического совершенства за счет звуковой организации стиха, множества повторов и рифмы. Такие шедевры нельзя не полюбить:

Пришел медведь к броду,
Бултых в воду!
Уж он кис, кис, кис,
Уж он мок, мок, мок,
Вымок,
Выкис,
Вылез,
Высох,
Встал на колоду —
Бултых в воду!
Уж он мок, мок, мок,
Уж он кис, кис, кис...

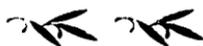
Дети, становясь взрослее; уже сами используют докучные сказки, чтобы позабавиться над младшими. Пожалуй, самой любимой и наиболее распространенной является сказка «Про белого бычка»:

Расскажу и вам сказку
Про белого бычка.
Вот и сказка вся!

Живут докучные сказки и в наше время. Каждому ребенку, например, известна такая:

У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса,
Он ее убил.
На могиле крест поставил,
Написал на нем:
«У попа была собака,
Он ее любил...»

Докучные сказки, конечно, нужны нам. Они способствуют развитию выдержки, умеренности в желаниях, чувства юмора.

«Сиди дома — не гуляй...»

(прозвища, дразнилки, поддевки)

В наших северных деревнях и сейчас сохраняются прозвища, данные определенному роду очень давно. Иногда в прозвищах отражается место жительства предков (Клинчак — деревня Клинцево), их занятия (Печник, Бригадирша).

Да и многие современные фамилии восходят к прозвищам, так как в крестьянской среде фамилии чаще всего заменялись прозвищами, которыми наделяли человека односельчане.

Прозвищами широко пользуются взрослые. Конечно же, и дети свободно вводят их в свой обиход.

Нередко и в современной школе (не без помощи учителей) к отдельным ученикам «приклеиваются» прозвища-сравнения, несущие в себе большую сатирическую силу, например: маменькин сы-

нок, чучело, нюня, ябеда, вертихвостка, балаболка, барабанка, осел, хвастунишка, жадина и многие другие.

Восприняв от взрослых прозвища, дети пошли, естественно, дальше, они создают более интересные, часто рифмованные прозвища, рожденные на основе созвучий:

Андрей-воробей.
Верка-табакерка!
Зина-корзина!
Лена-сопли до колена!
Нинка-крынка!
Таня-сметана.
Томка-котомка!
Шурка-снегурка.

Вот такого рода рифмованные прозвища и послужили поводом для появления дразнилок.

Нужно отличать дразнилки от прозвищ: прозвище обычно прикрепляется к человеку как постоянное, а дразнилку применяют к конкретному случаю. Например, высмеивают зазнайство:

Воображуля первый сорт,
Куда едешь — на курорт?
Шапочка с пумпончиком,
Едешь под вагончиком.

Жанр детских дразнилок бесподобен, он недоступен взрослым, ибо чаще всего ребячьи дразнилки — безобидны, доброжелательны, они просто поддевают шуткой «слабое место» характера, привязанность к чему-то, а иногда даже поддразнивают по именам, как эта:

Андрей-воробей,
Не клюй песок,
Не тупи носок!

Просится в память дразнилка из милого сердцу детства, которой окрестили мальчишку, любившего уединение, свой дом:

Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй,
Чисти картошку,
Ешь понемножку.
К тебе девочки придут,
Поцелуют и уйдут.

Приведем и девчоночью дразнилку:

Катя. Катя, Катерина,
Нарисована картина,
А с картины на портрет,
Лучше Кати нашей нет.

Существуют, конечно, дразнилки, издевки, имеющие конкретную цель — осмеять, может быть, и оскорбить. Мотивы этих дразнилок самые разные: внешность, физические недостатки, воровство,

кляузы, мода, обжорство, упрямство, беспомощность, ябедничество, нечистоплотность и т. д.

Много дразнилок-поддевок, заставляющих устыдиться своих «изъянов». Тут уж ничего не поделаешь: с этими недостатками дети умеют бороться.

Если не поделишься со сверстниками вкусной конфеткой или сочным аппетитным яблоком, тебя окружают и несколько раз выкрикнут:

Жадина-говядина,
Соленый огурец,
Простая шоколадина,
На горшке вареная,
Сосисками побитая,
Чтоб не была сердитая!

Такой урок пойдет «жадине» на пользу: в следующий раз постыдиться и угостит товарища, если хочет, чтобы от него не отворачивались.

Уж если заметили парнишку с сигаретой, тайно похищенной из отцовского портсигара, — ему не будет пощады! Сразу посыплются слова обидной (довольно-таки!) дразнилки:

Петька-дурак,
Курит табак,
Спички ворует,
Дома не ночует,
Спит под забором,
Зовут его вором!

Нелюбимы в детской компании плаксы, которые при самой малейшей неудаче готовы пустить слезу, про таких говорят — глаза на мокром месте, а дразнят их крепко:

Плакса, плакса,
Три копейки вакса!

Или:

Рева-корова,
Продай молока
На три пятака!

Ябедничество — нехорошее качество, и ребята стараются искоренить и этот недостаток у своих товарищей, обращая к ним такие стишки:

Ябеда-беда,
Ябеда-беда,
Тараканья еда!

И по-другому, более остро:

Ябеда-юда
Села на блюдо!
Блюдо разбилось,
Ябеда убилась!

Каждому мальчишке с раннего возраста нравится какая-то девочка-сверстница, он ее выделяет среди всех, стараясь проявить к ней особые знаки внимания. И у девочек тоже свои симпатии. Вот тут то, как заметят это первое чувство, появляется дразнилка про жениха и невесту. Ребята не любят, когда их так дразнят, порой доводя до слез. Еще бы: такое поддразнивание учиняется целым хором и повторяется по нескольку раз. Для этой цели существует много песенок-поддевок. Самая простая:

Тили, тили, тесто,
Жених и невеста!

С такой обычно начинают, но видя, что она подействовала слабо, переходят к более решительной, типа:

Машенька-невеста,
Съела горшок теста,
Вася-женишок,
Убрался под шесток.

Ну уж если и это не помогает, в запасе есть и пообиднее:

Девичий пастух
Девоч пас,
В огороде завяз,
Упал и кричит:
«Девушки, матушки,
Выньте меня,
Не споконьте меня!»

Ребята умеют очень ловко подшутить друг над другом, обмануть в чем-то пустяковом, и если удастся такое сделать одному, его другие поддержат и с радостью закричат:

Обманули дурака
На четыре кулака!
Еще бы кулак,
Был бы полный дурак!

Из дразнилок-поддевок часто складывается целая игра, когда детям нечем заняться. Порой эти поддевки рождаются сами по себе, без всякой на то подготовки. В такой игре принято не обижаться, а выждать подходящий момент и ответить тем же.

«Скажи: «Баня.» — «Баня». — «Тебя любит Ваня.»

А дальше может быть следующим образом:

двести — голова в тесте,
шестьдесят — сопли висят,
три — нос подотри,
чо — чирей на плечо,
чайник — отец начальник,
на бане веревка — ты воровка,
аркан — отец таракан

и т. д.

Мне же вспоминается из детства такая игра в поддевки, она и сейчас бытует в детском творчестве:

«Я буду рассказывать, а ты говори: «И я тоже...» — «Ладно.» — «Пошли мы в лес.» — «И я тоже.» — «Вырубили корыто.» — «И я тоже.» — «Налили помой.» — «И я тоже.» — «Свиньи стали есть.» — «И я тоже.» — «А ты разве свинья?»»

Дразнилками чаще всего пользуются ребята дошкольного и младшего школьного возраста, более старшие употребляют реже, для них характерны уже прозвища.

И все это, вместе взятое из «детской педагогики» и правильно осмысленное, не пройдет бесследно. С малого возраста формируется характер, его основные черты закладываются именно в этом возрасте: доброта, честность, бескорыстие, справедливость, выносливость.

„Дождик,
дождик,

пуще!...“
(Заклички и приговоры)

Засушливое лето, нещадно палит солнце. Посевам необходима влага, а дождика нет и нет. Босоногие ребяткишки, задрав облупившиеся личики к небу, хором нараспев выкрикивают:

Дождик, лей,
Дождик, лей,
На меня и на людей,
На девкин лен
Поливай ведром.

Или по-другому:

Дождь, дождь, дождь,
На бабину рожь,
На девичью пшеницу,
На ребячий горох,
На конячий овес,
На мужичий ячень
Поливай весь день.

Сегодня мы и подумать не можем, что, произнося эти слова, вспоминаем древний обряд заклинания природы, обращаемся к дождю с просьбой оросить влагой сохнувшие от жажды посевы.

Такие песенки называют закличками. В давние-давние времена они имели магическую функцию — произносились с целью вызвать желаемый результат со стороны явлений природы, животных, растений. Дети со всей серьезностью разделяли заботы и тревоги своих родителей и их надежды на богатый урожай, прекрасно понимая, что с ним в дом придет и достаток.

Дети верили, что песенкой, заклинанием, приговором, просто словом-обращением смогут заставить дождь весь день насыщать драгоценной влагой истосковавшуюся землю, поливать на овес, рожь, ячень, лен, гречиху.

А чтобы задобрить силы природы (в данном случае дождь), заклички сопровождалась обрядом кормления — их угощали. Например:

Дождик, дождик, пуше,
Дам я тебе гуши!
Дождик, дождик, поскорей!
Я прибавлю сухарей!

Гуща — это каша из ячменя с горохом.

Хотя обряд заклинания давно ушел из нашего обихода, но песенки-заклички и сегодня хорошо знакомы деревенской детворе, в них упоминается и об угощении дождя, только вот внутренний смысл совершенно утерян:

Дождик, дождик, пуше,
Наварю я гуши.
Цельну кадушку,
Сверху лягушку!

Зарядивший надолго дождь стал серьезно беспокоить крестьянина: вымочит дружно зазеленевшие всходы. Тогда ребяташки обращают свои просьбы к радуге:

Радуга-дуга,
Не давай дождя.
Давай солнышка
Из-под бревнышка.

К солнышку:

Солнышко, вѣдрушко,
Выглянь в окошечко:
Твои детки скажут,,
Хлебца есть хочут.

Существует немало песенок-приговорок для различных культур. К примеру, когда садят горох, закликают:

Уродись, горох,
Отлично хорош,
Отлично хорош,
Множество стручков —
На потеху старым,
На веселье ребятам малым.

При сеянии репы:

Репка-репонька,
Родись крепонька,
Ни мала, ни долга,
До мышинного хвоста.

Чтобы узнать, какая завтра будет погода — хорошая или плохая — дети идут в такое место, где раздаётся звучное эхо, и громко кричат:

Гнилая колода, гнилая колода,
Какая завтра будет погода?
Коли будет — отгукнись,
А не будет — заикнись

Если отголосок немой, то к ненастной погоде, а звучное эхо предвещает ведро.

Примечают —если птицы низко летят — завтра ведро, им дети кричат:

Галки—вороны на мельнице мололи,
Вечер — на нашест,
Галок — не перечесть.
Моя галка — наперед,
Много денег наберет,
Моя пониже —
Бисеру нанижет.

Рассматривая божью коровку, ребяташки приговаривают:

Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба!

Если божья коровка улетит, значит, -- к радости, к хорошей погоде, к урожаю.

Сохранились и другого рода заклички, приговоры. Например, «гриб-грибовой». Идя в лес за грибами, ребята загадывают, сколь-

ко грибов они насобирают, для этого бросают вверх свои корзины и кричат:

Тимошка, Тимошка,
Набери цело лукошко,
Цела, пол, на донышке
Или ничего.

Если корзина упадет на землю вверх ручкой — значит, ребята берут по полной корзине грибов, если упадет на бок — до половины корзинки будет грибов, если упадет, немного наклонясь к ручке, то грибами покроет только дно корзинки.

Когда же собирают грибы, приговаривают:

Боровик, боровик,
Красная головка,
Дам тебе морковку.

Представляют интерес заклички «лечебного, целительного» характера. Вот такие.

Если во время купания кому-нибудь из детей в ухо попадет вода, то он, заложив пальцем ухо, наклонив голову несколько набок, прыгает на одной ноге и приговаривает:

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под осинову колоду.
Мышка, мышка,
Дай водички
Из колоды,
Из ушей.

У-кого же на глазу появится ячмень (гнойный прыщик), то проводят по нему указательным пальцем и приговаривают:

Ячмень, ячмень,
На тебе кукиш,
Что хочешь купишь.
Купи себе топорик,
Сруби себе головку,
Как маковку.

Где-то уже к началу 20-го века многие обряды, связанные с обращениями к силам природы, животному и растительному миру, уходят из быта. Остались же они в детском сознании в упрощенном виде, подчас превращаясь в игру, забаву, а многие и вовсе забылись.

„С этих пор

говорить бросим...“

(потешный фольклор)

К потешному фольклору, бытующему в детской среде, принято относить молчанки, скороговорки, небылицы. Цель этих маленьких жанров народного творчества совершенно ясна — развеселить, потешить.

Суть молчанок заключается в том, чтобы после приговора не проронить ни слова, а самое главное — не рассмеяться. Ведь именно тот, кто владеет достаточной выдержкой, проигрывать не будет. Сами посудите:

Тише, мыши:
Кот на крыше
Кошку за уши ведет.
Кошка драна,
Хвост облез,
Кто промолвит,
Тот и съест.

Верно, неприятное условие?

Игра же в «молчанки» организуется так. Детишки усаживаются в кружок. Им дается «команда» быть серьезными, молчаливыми, ни в коем случае не улыбаться. Ведущий произносит слова молчанки, в конце которой заключено неперемненное условие: «Кто промолвит, тот и съест». Тому, кто не выдержит, — заговорит или «фыркнет» — кричат: «Съел, съел!»

Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Сорок кадушек
Мокрых лягушек,
Кошку драну,
Мышь погану —
Кто промолвит,
Тот все съест.

Для начала игры берут более коротенькую, безобидную припевку, как бы предупреждающую о правилах. Например:

Чок, чок,
Зубы на крючок,
А язык на полочку,
Молчок!

Или по-другому:

Чок, чок,
Зубы на крючок,
Кто заговорит,
Тому щелчок!

И — началась игра! Каждый старается оказаться победителем, но далеко не всякому удается сохранить серьезную «мину», когда слышишь подобного рода текст:

Драл кот на гору,
Наложил на кору
Червяками, бураками,
Печеною редькой —
Кто засмеется,
Губа задерется,
Кто слово промолвит,
Тому котом быть,
С места не ступить.

Играть в «молчанки» ребята любят, потому как в этих, на первый взгляд, незатейливых развлечениях развивается выдержка, умение «держаться». Такие игры живы и по сей день.

Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь —
С этих пор говорить бросим.

Детский фольклор настолько интересен и своеобразно построен, что подчас думаешь: над ним ломал голову, составляя его грамматический строй, маститый ученый — языковед. Но при внимательном соприкосновении с ним чувствуется детский настрой в веселости и звонкости звучания, нарядности словесного оформления, в особом характере исполнения — чаще всего выкрикивании и произнесении скороговорок.

Да и виды ребячьего творчества образуются не в большие тексты, а скорее всего облекаются в малые формы: скороговорки, прибаутки, небылицы-перевертыши.

Спросите себя, кто из вас не знает знаменитую шутку — двустиншие:

Счас как режиком заножу —
Будешь дрыгами ногать!

Детская небылица-перевертыш, в которой все поставлено с ног на голову, а как умно построена, как интересно произведена

звукoвая замена, неподвластная фантазии взрослых.

И сегодня каждому мальчишке и девчонке известна давнишняя забава, которую хранят в памяти многие поколения:

Ехал грека
Через реку,
Видит грека:
В реке рак.
Сунул грека
Руку в реку,
Рак за руку
Грека цап.

Что это? Глупая забава? Ничего не значащие умело зарифмованные слова? Конечно, это забава, но не пустая, как это кажется сначала. Это хорошая скороговорка, что с радостью дети выкрикивают наперебой: кто громче, а главное -- правильное произнесет все ее звуки.

А звуковой ряд тут не простой, он насыщен трудным звуком «р», который нередко вызывает горести в детской душе. Значит, скороговорка эта — прежде всего прекрасная тренировка для малышей, урок родного языка. Кто верно произнесет, тот блаженствует от радости.

То же самое, только с другим звуком:

Шла Саша по шоссе
И сосала сушку.

Скороговорки зародились на Руси в глубокой древности, в них отражены различные стороны жизни русского народа, его быта, интересов, верований, суеверий и т. д.

Употребление скороговорок детьми развивает у них чувство языка, содействует преодолению косноязычия. И родители неспроста заставляют повторять снова и снова такие рифмованные скороговорки, как:

На дворе — трава,
На траве — дрова,
Не руби дрова
На траве двора.

Широкий простор для тренировки правильной речи, четкого произношения. Поэтому взрослые всячески способствуют распространению среди ребят скороговорок. Популярна следующая:

Мышонку шепчет мышь:
-- Ты все шуршишь, не спишь!
Мышонок отвечает мыши:
-- Шурать я буду тише!

Много скороговорок бытует и в нашу пору. В их великом море есть прямо-таки «изюминки», что язык сломаешь! Попробуйте произнести вот эту, я уверен, она вам непременно понравится:

Жили-были три японца:
Як, Якцедрак, Якцедракце-Дрони.
Жили-были три японки:
Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Лимпопони.
Вот родились у них дети:
У Якцедрака с Цыпой-Дрипой — Шах,
У Яка с Цыпой — Шах-Шахмет,
У Якцедракце-Дрони с Цыпой-Дрипой-Лимпопонец —
Шах-Шахмет-Шахмонн.

Из маленьких жанров потешного фольклора дети особенно любят различного рода небылицы. Они потому и названы небылицами, что в них собрано все в одну кучу, как говорится: кто в лес, кто по дрова. Вот, к примеру, мы записали от людей старшего поколения такую. Вчитайтесь, и вам откроется талант русского народа, умеющего привлечь интерес своей выдумкой, хитросплетениями слов, остротой мысли.

Взял я большущий топорик,
Пошел я рубить огромное деревце — крапивушку.
День рублю, два рублю.
Отскочила щепка —
Прямо мне в душу.
Я через пенек —
Да бултых в лужу.
День лежу, два лежу.
Прилетели два святых духа —
Комар да муха —
И понесли меня под небеса.
А там живут-то не по-нашему:
Церковь из глины сбита,
Блином покрыта.
Поп кричит: «Миряне,
Отойдите подальше,
Прицепка-то новая,
Кадилло-то старое,
Черт-то знает,
Далеко ли достанет!»

Очень популярны и сегодня у ребят небылицы-перевертыши, своего рода зарифмованные «нескладухи-неладухи», имеющие определенную цель — рассмешить.

Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота.
Выхватил телегу
Он из-под кнута
И давай дубасить
Ею ворота.
Крыши испугались,
Сели на ворон,
Лошадь погоняет
Мужика кнутом.

Нет-нет да и встретится мужичок-балагур, раскуривающий на завалинке свою вечную трубку, из-под косматых бровей устремляя свой лукаво-озорной взор на бегающих вокруг него детишек, откашляется несколько раз, привлекая к себе внимание, заманит свою «аудиторию» и, пряча в бороду, улыбку, выдаст такое...

Вы послушайте, ребята,
Нескладушечку спою:
Сидит корова на заборе,
Клюкву-ягоду берет,
Сидит заяц на березе,
Листья мерит на аршин,
На иголочку собирает,
Чтобы не было морщин.
Вы послушайте, ребята,
Нескладушечку спою:
Замест кренделя — баранки
Проглотил мужик дугу.

«Поселились мудрецы в застекленные дворцы...»

(загадки)

Сегодня мы считаем загадку детской игрой, полезной забавой, забывая о том, что в прошлом она была занятием взрослых.

Да, загадка — очень древний жанр фольклора. Она не только служила экзаменом на мудрость, сообразительность, но и играла роль «шифра» в повседневных занятиях наших предков. Так, при посвящении юноши в мужчину, полноправного члена рода, молодой человек наряду с тем, что демонстрировал свою физическую силу, стойкость, решительность, бесстрашие, мужество, должен был показать и свой ум, знания, а они чаще всего проверялись с помощью загадки.

Загадки в Древней Руси носили роль запретных слов у охотников и землепашцев. И сейчас в старых загадках мы встречаем животных и птиц, на которых охотились (медведь, утка, гусь ит. д.)

или тех, что приносили вред домашнему хозяйству (бóрел, ястреб, воробей, коршун и т. д.).

Широкое использование получила загадка в русской свадьбе. При сватовстве на Севере Руси сваты никогда не говорили открыто о цели своего приезда, а старались скрыть свои намерения. Они говорили: «У вас товар, а у нас купец!» (девушка и юноша).

Например, в Чучковском свадебном обряде девушки «испытывали» жениха, предлагая ему загадки. Насколько точно он их отгадает, такую и «цену» давали ему.

Так ты слушай, добрый молодец,
Станем загадочки загадывать,
Наши загадочки не мудреные,
Наши загадочки девичьи:
Так отчего в светлой светлице
Светлее светлого месяца,
Краше красного солнышка?

Жених поднимает и показывает девушкам каравай. Отгадал. Его похваляют:

Так ты умен, добрый молодец,
Ты своим умом — разумом.

Загадка — замысловатый вопрос или иносказание, требующие ответа, выраженные в краткой и занимательной форме, чаще всего рифмованной.

В загадках нашла свое отражение многовековая мудрость народа, его познания, передаваемые от поколения к поколению.

Со временем она стала служить средством развлечения молодых, она звучала на вечеринках, сборищах, посиделках, являясь как бы умственным соревнованием в сообразительности.

Как же строится загадка? Вместо животного, человека, предмета называются его качества, свойства, признаки.

В загадке про зайца прежде всего указывается на его сезонную смену окраски и трусливость:

Зимой беленький,
а летом серенький.
Никогда не обижает,
а всех сам боится.

Постепенно загадка перешла в детскую среду, направляя внимание ребенка на конкретные, особенные признаки предмета, заставляя его глубже вникать в смысл их словесных обозначений. Чтобы загадка прочно удержалась в памяти, нужна доступность, красочные образы, хорошая рифма.

Встану я рано,
Пойду я к Роману.
К толстой голове,
К седой бороде.

Эту загадку, как напоминание, часто повторяла моя бабушка, когда поутру я пробежал мимо умывальника. Сам умывальник здесь сравнивается с головой, а струйки прозрачной воды — с седой бородой.

Чаще всего загадка радуется своей поэтичностью, необыкновенно удачным сравнением. Как в загадке про жука:

Чёрен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт,
Летит — воет,
Падет — землю роет.

Современные условия жизни совсем не похожи на прежние. Многое из старого крестьянского быта уходит безвозвратно. И загадки, отражающие тот уклад сельского жителя, становятся непонятными и исчезают из детского репертуара. Взять для подтверждения данного факта хотя бы такую загадку:

Летят гуськи,
Дубовые носки,
Летят и говорят:
— То-то мы, то-то мы.

Ее не разгадать, так как в ней говорится о таком крестьянском труде, который сейчас не увидишь — молотить вручную цепами.

Традиционными остаются загадки о знакомых вещах и явлениях: дожде и грозе, часах и посуде, овощах и предметах мебели и т. п.

Летит орлица
По синему небу,
Крылья распластала,
Солнышко застлала.
(Облако)

Три брата
Пошли купаться,
Двое купаются,
Третий на берегу валяется.
Искупались, вышли,
На третьем повисли.
(Ведро, коромысло)

Свое место в загадках заняли холодильники, телевизоры, самолеты, ракеты. Это говорит, что загадка живет, продолжают рождаться новые замысловатые вопросы, наполненные современным содержанием. Например, загадка о самолете:

Не пчела, не шмель,
А жужжит,
Неподвижно крыло.
А летит.

Популярны в современном детском творчестве загадки — головоломки, типа:

Шли гурьбой:
Тёща с зятем
Да муж с женой,
Мать с дочерью,
Да бабушка с внучкой.
Да дочь с отцом.
Много ли всех?

(четверо)

Живут и другого рода загадки-искладухи-небылицы, ответ на них заранее запланирован, он никак не соответствует ее содержанию, если раньше не слышал — не отгадать. Одна из них, бытующая у школьников — старшекласников:

Летели два крокодила:
Один в Африку,
Другой на Север.
Сколько стоит
Килограмм селедки?

И ответ, как говорится, ни к селу ни к городу: «Зачем мне холодильник, если я не курю?»

В общем и целом, загадки имеют большое значение. Они заставляют детей внимательно вдумываться в каждое слово, сравнивая предметы и явления, видеть в них сходство и различие, развивают любознательность, интерес к родному языку, способствуют развитию речи.

„Мы собрались поиграть...“

(считалки, игры)

Раннее детство (да и не только раннее) — это прежде всего игра. Чем больше дети играют, тем больше радуются, развиваются. Весь день в движении. Укрепляется не только сила, но и трениру-

ется память. А в игре зарождается дружба, а вместе с ней — взаимовыручка, чувство товарищества.

Чтобы начать игру, необходимо расчитаться, выбрать по справедливости водящего. Для этого есть особые песенки-считалочки. Из всего многообразия жанров и форм детского устного народного творчества у них наиболее завидная судьба.

Считалками (по-другому их величают — счетушки, счет, пересчет, говорушки, читки) принято называть короткие рифмованные стихи, применяемые для определения ведущего или распределения ролей в игре.

Общеизвестная считалка:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет,
Пиф-паф! Ой-ой-ой!
Умирает зайчик мой.
Привезли его в больницу —
Он украл там рукавицу.
Привезли его в буфет —
Он украл кулек конфет.
Привезли его домой —
Оказался он живой.

По силе эстетического воздействия на ребят, по степени распространённости, а также по количеству бытующих текстов считалки не знают себе равных.

Г. С. Виноградов, посвятивший всю свою жизнь собиранию и изучению детского фольклора, с восхищением отмечал: «Видимо, какие-то плодоносящие зерна скрыты в этих неувядаемых произведениях». Трудно не согласиться со словами знатока и ценителя фольклора, детской психологии, слыша и сегодня считалки, настолько поэтичные, как эта:

Аты-баты — шли солдаты,
Аты-баты — на базар.
Аты-баты — что купили?
Аты-баты — самовар.
Аты-баты — сколько стоит?
Аты-баты — три рубля.
Аты-баты — кто выходит?
Аты-баты — ты и я.

Да, слушание, а тем более рассказывание считалки доставляет детям (и взрослым, несомненно) большое удовольствие. Но все же следует справедливо заметить, что далеко не всякий ребенок может исполнить роль «считалочника», для этого он должен знать большое количество произведений этого жанра, обладать памятью, уметь «просчитать» выразительно и не слухавить — счет нужен честный.

Часто спрашивается вопрос: почему же многие считалки строятся из довольно бессмысленных слов и созвучий? Вот, к примеру, такая:

Эпки, беники,
Чудо, коме,
Эбе, фебе,
Турмона,
Ики, пики,
Драматнки,
Эне, бене,
Карл, эне,
Эна, бена, рес.
Квинтор, квантер, жес,
Эна, бена, раба,
Квинтер, квантер, жаба.

Ученый-фольклорист А. Н. Мартынова по этому поводу пишет: «Бессмысленность, «заумность» считалок объясняется тем, что они перешли из взрослого фольклора. В древности люди пользовались «тайным» счетом вследствие существовавших запретов считать: запрещалось, например, считать убитую дичь, куриные яйца, гусей во время перелета из-за опасения неудач в охоте и домашнем хозяйстве. Но взрослые забыли о загадочном счете, а дети продолжают до настоящего времени пользоваться им в считалках.»

Такого типа считалки принято называть заумными. Из их же числа:

Анки-дранки
Трили друк,
Чебер-фабер
Фабер фук
Ам дам,
Ини ити,
Кам у
Гэ бри

Считалочки, содержащие счетные слова, числа, относят к считалкам-числовкам. Их очень много.

Раз, два, три, четыре —
Жили мушки на квартире, —
К ним повадился сам друг,
Крестовик, большой паук.
Пять, шесть, семь и восемь —
Паука мы вон попросим:
К нам, обжора, не ходи,
Ну-ка, Машенька, води.

Самыми привлекательными и поэтичными являются сюжетные считалки (их еще называют считалки-заменки).

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич,

Сапожник, портной...
Кто ты будешь такой?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых
И честных людей!

В нашей местности записана интересная считалка, выбирающая водящего-«дурака». Смысл, конечно, в это слово вкладывается добрый, без желания оскорбить, обзвать.

Ехал Ваня из Казани,
Девяносто рублей сани,
Двадцать пять рублей дуга,
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
Я тут сяду и поеду,
Я поеду в маскарад
Посмотреть на свой наряд.
Черны брюки, белый фрак,
Вашел Ваня, сам дурак.

В современном же творчестве детей популярна считалка, дающая возможность выбрать водящего по желанию, на любую букву, с которой начинается имя. Это очень удобно для того, кто ведет расчет — сам «водить» не будет:

Шла машинка
Темным лесом
За каким-то интересом.
Инте, инте,
Интерес,
Выходи на букву «эс».

Для скорого начала игры обычно используется быстрая считалка, типа:

Мы собрались поиграть,
Ну, кому же начинать?
Раз, два, три —
Начинаешь ты!

В наши дни считалки остаются весьма популярными, они являются богатым и развивающимся жанром детского фольклора.

Итак, расчет произведен. Подумаем об играх. Детские игры настолько разнообразны, что всех не перечислишь. Но все же любимыми неизменно остаются гуси-лебеди, горелки, жмурки, казак-разбойники.

Остановимся на одной, которая захватывает ребят младшего возраста, — «У медведя на бору.»

Один из участников изображает медведя, а остальные идут к нему в бор собирать ягоды и грибы и припевают:

У медведя на бору
Грибы, ягоды беру!
А медведь сидит,
На меня глядит!

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, потягивается и неохотно идет на детей, которые быстро бросаются от него в разные стороны. Песня повторяется. Медведь бежит за детьми, ловит кого-нибудь, тот становится медведем. Игра продолжается.

Хотелось бы описать игры наших бабушек и дедушек, которые существуют давно, они просты, доступны, интересны и рекомендуются ребятам среднего и старшего возраста.

Игра в костыги.

Костыгами называли суставные кости конечностей животных.

Для игры выбирали твердое, без травы, место, обычно проезжую дорогу, ее разметали, поперек дороги клали длинный деревянный брус. Сантиметрах в 15-20 от бруса параллельно ему ставили костыги все играющие поровну. Это называлось коном. Отмеривали расстояние от кона (в зависимости от возраста играющих) и по очереди били плитками по кону с данного расстояния. Кто сколько костей собьет, столько и забирает. Так бьют до последней кости, а затем их снова ставят и повторяют игру.

Игра мячом из лунок.

Эта игра заключается в том, что устраивается круг диаметром 30-40 метров, его или очерчивают, или обкладывают предметами, чтобы он был заметен для играющих. В этот круг встает один из участников игры, а все остальные уходят с мячом за угол дома. Мяч отдают одному из играющих. Кто получил мяч, забирает его в правую руку, руку прячет за пазуху (или под пиджак) так, что при надобности может его быстро вынуть. Все другие игроки проделывают то же самое (только без мяча), чтобы водящий, оставшийся в круге, не смог заметить, у кого мяч. Потом все участники выходят на линию условленного круга, а тот, у которого мяч, выбирает момент для удара в игрока, находящегося в круге. Но игрок в круге тоже на месте не стоит: зорко следит, кто же может бросить в него мячом, и старается увернуться от удара.

Выбрав момент, игрок с мячом бросает его в водящего. Если он попадет мячом, то водящий остается снова в круге, а игра начинается сначала. Если же мяч пролетел мимо, тот, кто бросал его, становится в круг.

Игра шаром.

Из дерева точат шар диаметром 8-10 сантиметров. Каждый же играющий должен иметь палку, как при игре в городки.

Проводится прямая черта. Все играющие на расстоянии 2 метров друг от друга встают на эту черту, а один, по жребию, «забивает» шар: отходит на 10 метров от линии и параллельно ей бросает шар по земле. Участники игры бьют палками по шару. Если в шар попали, то водящий должен его догнать и катить снова. А если шар никто не задел, то будет его катить, кто первым промахнулся. А водящий займет его место.

Игра шаром «с тыки.»

В землю вбивают «тыку» (чурку диаметром около 10 сантиметров с ровным торцом), чтобы ее верхушка поднималась от земли на 30—40 сантиметров. На торец кладут шар. По жребию один ставит шар, а все другие по порядку с определенного расстояния бьют по нему. Если палкой попали по шару, он покатится по поверхности площадки, то тот, кто отвечает за шар, должен быстро сбегать за ним и снова поставить его на тыку. А если бросающий палку попал не в шар, а в тыку, и шар только свалился с тыки, то ответственный за него кричит: «Чур, палка в сале!» Тогда они должны поменяться местами: кто отвечал за шар, забирает палку и встает в число играющих, а кто промахнулся, будет отвечать за шар.

Игра «чигом».

Из дерева делают круглый или четырехгранный с конусными обоими краями «чиг», длиной 15 сантиметров, и ставят его в очерченный круг, диаметром около метра. Также изготавливают округленную деревянную лопатку и наносят ей удар по «чигу», тот отлетает в сторону. Ответственный за «чиг» должен забросить его обратно в круг. Если «чиг» заброшен в круг, играющие меняются ролями.

Об этих старинных увлечениях своего детства поведал Алексей Степанович Крашенинин, учитель-ветеран, 1907 года рождения, ныне покойный.

Хотелось бы, чтобы такие игры обрели новую жизнь.

„Ц
В
Е
Т

У
М
А

НАРОДНОГО

(пословицы и поговорки)

Самый любимый и популярный жанр народного творчества — пословицы и поговорки. Их почитают прежде всего за краткость изречения, за точность мысли, высказанной в поучительной форме.

А краткость — сестра таланта, народом же сказано. Гений русского народа запечатлел в пословицах и поговорках свой многовековой опыт практики воспитания молодого поколения, отшлифовав каждое слово и доведя до великой разумности смысл.

На Руси издавна называли пословицы и поговорки крылатыми словами, в Италии — народной школой, а народы Востока — жемчужиной, нанизанной на ниточку.

Своими корнями пословицы и поговорки исходят из глубокой древности, когда у человека были особые представления о мире, природных явлениях, населяющих нашу землю существах. Об этом легко догадаться, вникнув в первоначальный смысл всем известной поговорки: «В тихом омуте черти водятся». Теперь мы употребляем ее, говоря о скрытном человеке, чья душа — потемки, и никто не знает, что он «выкинет» в очередной раз.

А от крылатого выражения «Незванный гость — хуже татарина» веет на нас эпохой монголо-татарского ига.

Хотя пословицы и поговорки, как сестры-близнецы, живут рядом, рука об руку, все же пословицы имеют более широкий смысл и характеризуются определенной законченностью. Например, у нас говорят: «Дальше положишь — ближе возьмешь».

У поговорок же более узкий, можно сказать, более конкретный смысл, не случайно их называют еще и приговорками, при-

словами. Мы часто употребляем такие выражения:

Губа не дура.
И муха не без брюха.
Любовь не картошка.
Голод не тетка.

Чаще всего народные изречения имеют однострочную форму, типа: «Ешь досыта, работай до поту».

Но много пословиц и поговорок, которые облечены в многострочные выражения, более распространены среди них двустрочные, порою — рифмованные. У нас старые люди и сейчас поучают: «Гни дерево, пока гнется, учи дитяtko, пока учится».

Хороши пословицы и поговорки о трудолюбии и трудовом воспитании, о привязанности сельского человека к земле, заботе, о благополучии, о рачительном ведении домашнего хозяйства. Напомним их.

Добрые жернова все смеют.
Дом вести — не бородой трясти.
У богатого телята, у бедного — ребята.
Сухая-то ложка рот дерет.
Кто запаслив, тот и счастлив.
Кто рано встает, у того и хлеба достает.

Наш народ всегда заботился о воспитании своих детей, стараясь наделить их лучшими качествами, вырастить не только пригожими, но и умелыми, мастеровитыми, готовыми к самостоятельной жизни. Отсюда и своеобразные наставления, целая система обдуманных советов.

Вица ребра не переломит, а ума даст.
Девушка спит — дом наспит, парень спит — дом проспит.
Родись не красив, не пригож, а счастлив да талантлив.
Красота приглядится, а ум пригодится.
Маленькие детки — маленькие бедки.
Не поучишься, так и не научишься.
Неученого и в попы не ставят.

Представления народа о семье, любви, о подготовке к браку и согласной семейной жизни — «в миру и в ладу» — сложились на основе многовекового опыта и, конечно же, являются основой устного творчества. В пословицах и поговорках находим мудрые наидания, добрые советы, а порой правдивый и даже лукавый юмор.

На наш взгляд, заслуживают внимания такие крылатые выражения.

Выбирала мне матушка из лучших-то лучшего, из хороших хорошего и выбрала родимая из семи чертей дьявола.
Девушка не травка — не вырастет без славки.
Коровушку выбирают по рогам, а девушку — по родам.
Хороша дочка Аленушка, да хвалит мать Матренушка.
Курицу не накормить, девуцу не нарядить.
Милого побои не больно болят.

Муж запыет — полдома пропыет, жена запыет — весь дом пропыет.
Муж мешком, а жена горшком -- больше вытаскает.
На что и клад, коли дома лад.

«Хлеб — всему голова!» — неспроста сказано. У нашего народа всегда было уважительное отношение к хлебу как главному мерилу жизни, богатство дома исчислялось не драгоценностями, а пудами собранного зерна. Каравай душистого хлеба — неизменное угощение крестьянского стола. С раннего детства приучали ребенка бережному отношению к батюшке Хлебу, а отсюда — и к трудолюбию. Как выразительны присловья о хлебе.

Всяк сладенький пирожок любит.
Ешь пироги, а хлеб береги.
Ешь хлеб, коли пирогов нет.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Лежи на печи да ешь калачи.

Порой кажется, что на все случаи жизни народ нашел краткое точное изречение, ничто не ушло из его поля зрения. Особенно людские пороки, изъяны, недобрые помыслы и поступки едко высмеяны талантом народа.

Видишь под лесом, а не видишь под носом.
Где баба, там рынок, где две — там базар.
Девоч худых не слыхано, баб хороших не видано.
Не баба, а сто рублей убытку.
Где девки гладки, нет воды в кадке, где бабы толсты,
там ведра пусты.
Брат брату — сосед, а сноха снохе — коромысло.
Котел горшку не товарищ.

Владимир Иванович Даль, большой знаток и собиратель пословиц и поговорок, назвал их цветом ума народного.

*„Я с вами,
воинов русских
жены!...“*

(причитания)

Причитание как лирический жанр фольклора уходит своими корнями в глубь истории Руси. Они нашли отражение и в древней русской литературе, достаточно вспомнить проникновенные плачи благородных княгинь — Ярославны, жены князя Игоря («Слово о полку Игореве»), Евдокии, жены князя Дмитрия Донского («Сказание о Мамаевом побоище»). В их пронзительных плачах выражена скорбь всех женщин Руси, чья мирная жизнь, счастливое материнство, горячая любовь нарушались ужасами войны.

Полнна Рожнова, известная поэтесса, в своем «Слове Ярославны» очень точно передала художественное своеобразие русского народного плача.

Игорь ты мой,
я слово пою о тебе.
У бесславья в плену
не пристало вникнуть тебе!
Трубам вели — пробудиться,
колчанам — отвориться.
Снимет моя десница
с неба темную пелену.

Игорь ты мой,
Мати Земля Русская
с холма глядит
в озера и реки мутные:
ведут коней под уздцы
под стены Путивля половцы,
сбивает со стен зубцы
гром копыт.

Игорь ты мой,
в золотое стремя вступи!
Что крики телег,
что грозы крыльев! Скрепи
отвагой — ратное дело.
У Пирогошого придела
честь Русской Земли не зрела
поруганья вовек.

Причитания (по-другому плачи, причеты, голошения) — речитативно, с плачем исполняемые лирические импровизации. Различают три их вида: свадебные, похоронные, рекрутские (солдатские).

В свадебном обряде причитает преимущественно невеста и ее подружки (или специально приглашенная плакальщица, если сама невеста не умела «голосить»).

Основное содержание свадебных причитаний — горестные переживания-размышления девушки перед замужеством, прощание с родной семьей, подружками, с молодостью. Чаще всего сама невеста рассматривает свадьбу не как радостный праздник, а как острую грань, отделяющую ее прошлую (счастливую) жизнь в доме родителей от той неизведанной жизни, что ожидает ее в доме мужа — чуженина. Например, в чучковском свадебном варианте невеста причитает:

Прошла жизнь моя драгоценная,
Наступила жизнь неизвестная,
Перешла черту невозвратную...

В основе всех причитаний лежит противопоставление своей семьи, своей деревни, своей стороны, своего поля, своих людей — чужой семье, чужой стороне, чужим людям.

В чучковской свадьбе девушки так хвалят свою сторонку:

Господарева ты, наша деревня хорошая,
Наша постройка новая,
По плану испланована,
По ряду изоставлена.
Господаревы вы, наши поля хорошие,
Наши поля не горватые,
Наши поля не шерватые,
У нас поля хлебные,
Растут хлеба на них дородные.

А так девушки хулят чужую сторону:

Как на чужой, на дальней стороне
Тамо деревня нехорошая,
Тамо избы, как мякинницы,
Тамо бабы, как медведицы,
Они бранятся да ссорятся,
По три года не сходятся,
Как у колодца-то сойдутся,
За волосья таскаются,
Как собаки, лаются, они зубами кусаются,

Они ногами лягаются...
На чужой дальней стороне
Там поля нехорошие,
Там поля гороватые,
Там поля шероватые,
Не растут хлеба хорошие.
Растет костеря да метелица, —
Там уж чистая бесхлебица.

Конечно же, в описании родной семьи присутствует приукрашение, хотя в целом плачи невесты рисуют правдивую бытовую обстановку крестьянской семьи.

Но главное в причитаниях не это, их назначение как одного из ярчайших жанров народной лирики в том, чтобы выражать определенные чувства (печали, скорби, радости и т. д.), поэтому имеют форму монолога. Они лишены сюжета.

Причитания, как и все лирические жанры, особенно широко используют повторы, многочисленные вопросы и восклицания, часто употребляются выразительные эпитеты («родная сторонка», «милые подружки», «желанные родители», «горючие слезы», «тоска великая» и т. п.), слова с уменьшительными суффиксами («горюшко», «головушка», «матушка», «батюшка», «подруженьки» и др.).

Похоронные причитания — самые древние по своему происхождению. Они отражают анимистические представления (культ почитания предков: души умерших оказывают влияние на судьбы живых, поэтому о покойных плохо не говорят).

В похоронных причитаниях с большой поэтической силой предстает трагическое положение потерявшей кормильца семьи. К примеру, в «Плаче по дочери», записанном от Евгении Михайловны Дудинной, старожилка деревни Слободницево Сокольского района, говорится:

Господарева ты, моя дочи любимая,
Тебе не та пора — времечко
Лежать в домовище дубовом.
Оставляешь, дочи милая,
Своих малых-то детонек,
Они молоды-то-молодешеньки,
Они глупы-то-глупешеньки,
Нету у них ума-то да разума,
Нету у них родимого-то батюшки,
Нету у них родимые-то матушки.
Как оставляешь ты, дочи милая,
Свою родимую-то матушку,
Она при старой-то поре-времечке,
При больном-то нездоровьице.
Ты простишь, дочи милая,
С соседям-соседушкам,
С родимой-то сторонушкой,
С деревней, со городом,
С полям гороватым,
С лесником зеленым.

Более поздние похоронные причитания, имеющие социальные мотивы (как «Плач о старосте» — о народном заступнике, «Плач о потопших», «Плач об убитых громом-молнией» — о трагически погибших людях, записанные от знаменитой заонежской вопленицы Ирины Андреевны Федосовой), насчитывают от 180 до 430 строк и являются произведениями лиро-эпического характера, испытывают влияние былинных традиций.

Примечательно, что похоронные причитания создавались и в наши дни. Так, Евгения Константиновна Дудина, жительница деревни Скоморохово Сокольского района, потеряла мужа на фронте, осталась одна с тремя детьми на руках. Родившись в начале века, малограмотная, она сумела возродить народное творчество наших мест, сама стала сочинительницей.

Е. К. Дудина, получив известие о гибели мужа под Ленинградом в 1942 году, создала плач по мужу — поэтическое излияние человеческого горя:

Ой, охти мне, да охти мне больно, большешенько,
Ой, приехала-то, горе-горькая, я на бывшее поле бранное,
Ой, где шла война кровопролитная,
Ой, я понокать-то да поразыскивать
Своего-то да младу милого,
Его в живых-то и при живностях,
Ой, только нашла-то, да горе-горькая,
Я могилушку горбатую..

Причитание (а оно составляет 60 строк!) Е. К. Дудина нередко повторяла вплоть до последнего времени, когда дети стали взрослыми и разъехались по разным городам:

Ой, уж как твои-то чада милые
Разлегелись да поразъехались
Они по всему-то свету белому,
Ой, они все-то да поженилися,
Они все уж обсемьялися —
Так позабыли чада милые,
Они меня-то да горе-горькую,
Редко пишут чада милые
Мне скорписчатые грамотки.

Рекрутские (или солдатские) причитания — явление значительно позднее, связанное с введением Петром Первым обязательной воинской повинности в самом конце 17 века.

В этих плачах сам рекрут не голосил, их исполняли его родные (или же, как и в свадебных причитаниях, специально приглашенная вопленица), хотя часто они имели форму монолога (от имени рекрута и выражали его мысли и чувства).

Солдатские причитания очень схожи с похоронными, так как солдатская служба приравнивалась к смерти. Уходя в солдаты на двадцать пять (позднее — двадцать) лет, молодой человек прихо-

дѣл со службы или разбитым стариком, или калекой, или совѣсем не возвращался.

Поэтому в них отчетливо просматриваются две темы. Первая — жизнь семьи после ухода в солдаты. Например, в плаче, записанном от И. А. Федосовой, обращение к детям рекрута:

Вы послушайте, несчастны малы детушки,
И как отпущен-то родитель ваш да батюшко,
И он в дальнюю в путь-широку дороженьку,
И он в злодейну эту службу государеву,
И не дождаться вам, сердечным малым детушкам,
И не гостюшком его да не любимым,
И не видать да вам сердечных гостинничек,
И вам на праздничек сердечных подарочек...

Вторая тема — описание тяжелой солдатской жизни:

И не дай господи на сем да белом свете
Уже жить да в грозной службе государевой:
Как еденьце солдатушкам — сухарики,
Как питеньце им — водушка со ржавушкой.

Закончить же разговор о плачах хочется опять же поэтическим словом княгини Ярославны из поэмы Полины Рожновой, так произительно звучащим и сегодня:

— Я, жена Игоря,
С вами, воинов русских
жены.
Что за тоска
с погляденья?
Что за подмога
со слез?
Не осенний бусенец,
а роса черна.
К Путивльской стене,
С Нежатиной Нивы —
затменье.
Несите
со двора —
по лучине,
от матицы —
по охалке мха.
Огонь защитит
от лежачей ржи
червленый щит!
С земли, Смертью
взметанной,
один воин
да встанет
и дружине
поднять стяги велит!

«Родному звуку вторит сердце

и откликается душа...»

(народные песни)

Любой праздник и сегодня не обходится без народной песни — то широкой, раздольной, удалой («Про Стеньку Разина»), то лирически пронзительной, щемящей до боли сердечной («У церкви стояла карета...»), то озорной, бойкой («В лесу говорят, в бору говорят...»).

Песенная душа русского народа тонко и трепетно откликается на все родное, близкое, значительное, что задевает за сердце, заставляет выплеснуться чувствам. Поэтому песни очень красивы, содержательны, по выражению В. Г. Белинского, прелестны. У них счастливая судьба и завидно долгая жизнь.

Песня — небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения. Различают несколько видов песен: исторические, балладные, лирические (к ним относят любовные, семейные, солдатские, тюремные, разбойничьи, фабричные, ямщицкие, бурлацкие и т. п.), игровые, хороводные, плясовые.

Интересны песни исторические. Это сюжетный жанр народной лирики, сюжет же в них сводится к одному событию или даже отдельному эпизоду. Отсюда в этих песнях находим множество сюжетов, которые охватывают довольно большой период российской истории.

Предметом исторической песни являются действительные события и конкретные лица. Значит, и повествование в них динамичное, чаще всего лишенное развернутых побочных описаний, украшений, не характерны для исторических песен и устойчивые зачины и концовки, трюичные повторения.

Исторической песня сочиняется по следам какого-либо крупного или значительного события, то есть повествует о прошедшем, поэтому в ней можно отыскать некоторые неточности в описании эпизодов, поступков героев.

Допускает историческая песня и некоторый вымысел, но, в отличие от былин, не доводит его до сильной гиперболизации. Они имеют свой состав действующих лиц — любимые народом исторические личности: Иван Грозный, Петр I, Ермак, Разин, Пугачев, Суворов и др.

Необходимо отметить огромное значение исторических песен — они отражают в нашей памяти наиболее значимые исторические события, дают оценку деятельности героям, в них отчетливо просматриваются патриотические идеи (любовь к родине, гордость за нее, необходимость ее защиты).

Одним из любимых героев исторических песен Русского Севера является Петр I. Почему? Скорее всего, что время правления Петра I — период грандиозных реформ, создания регулярной армии и флота, укрепления Русского государства и превращение его в одну из сильнейших держав мира, строительства городов, каналов.

В песнях русский царь запечатлен и как умелый, талантливый полководец, и как человек со своеобразным характером: справедлив и отважен, сам руководит войсками, прост в обращении с солдатами и рабочими, сам трудится с корабельными мастерами.

Петр Великий пять раз приезжал в Вологду, история это свято хранит, о его визитах в наш край напоминает и музей — Петровский домик, что на берегу реки Вологды.

А в песенном творчестве Петр I запечатлен как кораблестроитель, флотоводец. В одной из песен народная память нарисовала Петра в поисках в вологодских просторах места для развития русского флота. Но, проплывая по Сухоне и по озеру Кубенскому, Петр I прогневался и повернул свои «струи быстрые, белопарусные да снаряженные» к морю Белому «снастить корабли океанские», так как показалось ему озеро «мелкой лужицей».

Приведем эту замечательную песню «Про Петра Великого» полностью, она популярна и любима и сейчас.

Ой, да как из реки, реки, реки Сухоны
В пору давнюю, старопрежнюю,
Ой, да выходили струги, струги быстрые,
Белопарусные да снаряженные,
Ой, да будто лебеди да полногрудые,
Ой, да плыли струги те вдоль по озеру,
Вдоль по славному да по Кубенскому.
Ой, да на парусном стружке да на беседочке
Сидел царь-государь да Петр Лексеевич.

Ой, да позади-то его Саша Меньшиков,
Ой, да разудалая буйная головушка.
Ой, да показалось Петру свет Лексеевичу
Ой, да наше озеро мелкой лужицей.
И на тех на стружках на снаряженных
Ой, да со своими слугами, со дружиною
Покатил государь к морю Белому,
Ой, да корабли снастить океанские.

Конечно же, наиболее расцпостранены и чтимы нашим народом лирические песни, которые выражают отношения к тем или иным жизненным явлениям, передают определенные мысли, чувства, настроения. Лексика таких песен носит бытовой характер, чаще всего это живая разговорная речь.

Для лирической песни характерно широкое использование символики, различные образы природы и животного мира (не в прямом, а в переносном смысле) служат для выражения переживаний человека. Так, символом девушки является белая лебедушка, сизая голубушка, серая утица, малина, калина, сладкая вишня, молдца — соловей, голубь, селезень, зеленый дуб, виноград, хмель.

Народная лирика обильно употребляет художественные эпитеты. С помощью изобразительных эпитетов (сизый голубь, ясный сокол, белая береза, чистое поле, зеленый сад и т. п.) создаются красочные портреты, рисуются яркие картины природы.

Жаворончек на проталинке
Распевае, распевает,
Он зовет весну, весну красную,
Вызывает, вызывает.
Не летать снежкам во чистом поле,
Растопились, растопились,
Буйной реченькой в синем море
Укатились, укатились.

Посредством выразительных эпитетов (дорогие подруженьки, родной батюшка, родная матушка, голубчик мой, миленький дружок и т. п.) выражаются разнообразные чувства, настроения лирического героя.

Уезжает мил сердечный
На чужую сторону.
Ой, как же мне, красной девице,
Эту зиму коротать,
Ой, как с милыми подружками,
Ой, мне будет невесело гулять.

Среди композиционных форм лирической песни особое значение принадлежит приему психологического параллелизма. Его суть состоит в том, что явления человеческой жизни познаются в сопоставлении с различными явлениями природы. Вначале следует картина природы, являющаяся своеобразным эмоциональным вступлением и имеющая символическое значение, а затем следует картина из жизни человека, раскрывающая основное жизненное со-

держание песни, выражающая конкретные человеческие мысли и чувства лирического героя. Прием психологического параллелизма хорошо просматривается в следующей песне:

За туманом ничего не видно,
Только видно елочку зелену.
Под той елкой кадочка стояла,
В той кадучке девка ключевую воду брала.
Опустила зелено ведрочко:
Кто мое ведрочко достанет,
Тот со мною под венец и станет.
Отозвался молодой парнишка:
— Я твое ведрочко достану,
Я с тобою под венец и стану.
За туманом ничего не видно..

Принцип ступенчатого сужения образов, второй характерный прием лирических песен, предполагает внутреннее сцепление образов, когда образы ступенчато следуют друг за другом в нисходящем порядке от образа с наиболее широким объемом к образу с наиболее узким объемом содержания. Например: долина — дорога — река — берег реки — садочек на песке — мать с сыном в садочке. Последний образ и является наиболее значительным, важным, на нем и фиксируется внимание, как в этой песне:

Уж ты поле мое, поле чистое,
Ты разлолье мое, ты широкое,
Ничего ты, поле, не спородило,
Спородило, поле, част ракивов куст.
Как во том кусте тело белое,
Тело белое, молодечкое..

Прием ступенчатого сужения образов применяется чаще всего первой части песни — описательно-новостной, а уже во второй части выражается основное содержание песни.

Во главах у него — сабля вострая,
В ретивом у него — пуля быстрая,
Во ногах у него — копь вороный стоит.
«Уж ты конь, ты мой конь, ты товарищ мой,
Ты беги, беги по дорожке вдоль,
По дорожке вдоль, к отцу, к матери,
К отцу, к матери, к молодой жене,
Ты скажи жене, что женился я,
Что женила меня пуля быстрая,
Обвенчала меня сабля вострая».

О народной песне можно говорить бесконечно — всего не скажешь, лучше послушать, как чудесно она льется, берет за душу, или просто самим спеть.

„Поиграй по веселее русского веселого...“

(частушки)

Тихий деревенский вечер. Кончился летний трудовой день. Девушки в легких нарядных ситцевых платьях вышли за околицу, где ожидают их парни, среди которых непременно есть гармонист.

Добрые шутки, заливистый смех, и вдруг осторожно заиграла двухрядка. Сначала несмело, негромко, потом все заманчивее, задорнее. И одна девушка певунья, не в силах удержать встревоженную мелодией душу, думая о чем-то своем, заветном, по-особому тонко и чисто ощущая родной мир, удачно подгадывает складными словами в лад знакомому мотиву.

Вместе с вечерней прохладой, подхваченная чуть заметным ветерком, рождается легкокрылая частушка. Нежно и трепетно летит она, облакаясь чудной глубиной и удивительным поэтическим совершенством.

Прозвучавшая впервые частушка подвергается серьезному испытанию. Она проходит проверку на неповторимость, на правду, на искренность.

И если она сумеет завладеть сердцами строгих ценителей — слушателей, ей жить долго, зазвучит она на деревенских праздниках, за любимой работой, на веселом гулянье. А уж если не примет ее неподкупный деревенский авторитет, частушку забудут — и все.

Так что же такое частушка?

Частушка — особый жанр устного народного творчества: двустрочные и четырехстрочные рифмованные куплеты песенно-декламационного характера с ярко выраженной установкой на исполнение перед слушателями.

Различают несколько видов частушек: лирические попевки (их особый вид — страдания), комические пародии (нескладухи), плясовые припевки (их особые виды — «Семеновна» и «Яблочко»).

Образно-ритмическому строю частушек свойственны экономичность выразительных средств и стремление произвести эффект неожиданностью заключительных стихов.

Частушке присуща энергия живой разговорной речи. Поэзия частушек питала творчество С. Есенина, Д. Бедного, М. Исаковского, А. Твардовского, В. Бокова, О. Фокиной и многих других русских поэтов.

Частушка широко распространена и в наши дни. Великое множество этих драгоценных россыпей мудрой народной поэзии хранят в памяти люди старшего поколения.

Но запись фольклора (фольклорная практика) — дело нелегкое. Не всегда просто «разговорить» хранителей старины. Для примера хочется привести запись одного интересного разговора, сделанного членами литературно краеведческого клуба «Моляки» (Чучковская неполная средняя школа Сокольского района Вологодской области), сохраняя язык и стиль их собеседницы.

«Пошла я к бабке Кате фольклор записывать, взяла блокнот и карандаш. Вот, думаю, быстро справлюсь, даже уроки напотом отложила. Пришла к ней да сходу и говорю:

— Вот, баба Катя, я от Вас частушки хочу записать. Вы пойте, а я запишу.

— Полно, девка, не дело-то говорить, частушек-то в жись не певала, не до их было — робят петеро, скотина на дворе ревит, бабушка беспомощная, а сама весь день в колхозе — трудодни зарабатываю. А мужик-то у меня в проклятой Германии загинул. До инсен ли было?!

Бабка Катя меня сразу огорошила. Что же делать, ведь в деревне говорят, что лучше ее плясуньи да певуньи и не было. И решила я перехитрить бабушку.

— Баба Катя, — не отступалась я, — баба Катя, а мне мама сказала, что Вы на Петров день так плясали, что буйные ребята о драке забывали.

Вижу, бабка Катя заулыбалась, на лавку села, платок развязала, седые волосы поправила, слезинку смахнула да уже другим голоском и начинает:

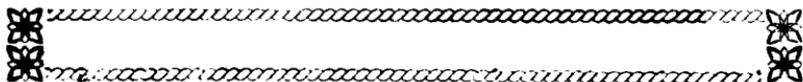
— Так ведь то, девка, на Петров день было. Народу-то собиралось что — со всех волостей. Сперва на Завражье плясали — на кашуне, а в сам-от престольный праздник с утра на Никольском у магазина, а на вечеру у нас, на Иванове.

Что делалось! Робята-ти молодые, форсистые, каждому охота себя показать: колья из огородов ломали, поленицы раскатывали и — в драку. А я гармониста самого лучшего подхватываю — и плясать. Драка-то разом затихала от такой песни:

Я на Севере родился
Северным мазуриком.
Меня девки не любили,
Бабы звали жуликом.

Вот такую историю про свои славные дела поведали ребята — юные собиратели фольклора.

В результате кропотливой работы — долгой и трудной — участниками клуба «Моляки» записано и систематизировано более полутора тысяч частушек. Об этих тематических циклах и хотелось бы рассказать.

„Задумчивая подруга,

„что война наделала...“

В годы Великой Отечественной войны из наших деревень ушли на фронт тысячи сельчан. Матери и жены, невесты и сестры ждали ежедневной весточки от родных защитников, молясь за их дорожную жизнь, мечтая о счастье, мирном материнстве и радостном детстве. В минуты редкого умиления и месяцы горького несчастья рождались частушки военной тематики, что пелись в кругу женщин, делвших и радость, и горе.

У военных у вагончиков
Расстались с дорогим.
Кабы время не военное —
Уехала бы с ним.

Воевать уехал дряля
В городочки дальние.
Без него не светит солнышко
И дни туманные.

Платье черное надела —
На какую на беду?
Так и знала, что угонят
Дорогого на войну.

Я недавно милого
На самолете видела.

Самолет, зелены крылышки,
Летел из Киева.

Дожидалась и дождусь
Дролечку военного.
Никогда не изменю
Ему словечка верного.

Почтальона и ждали, и боялись. Сколько горя приносили проклятые похоронки!

Выплаканные, обезумевшие глаза, бесконечные причитания по погибшему, по своей вдовьей доле — такова женская судьба. Все же частушка помогала в великой беде.

Много писем посылала,
Телеграмм беле того:
Не находится в России
Дорогого моего.

Ягодничку убили
Да и мне бы умереть,
Никоторый никоторого
Не стали бы жалеть.

Всю германскую границу
Я на лыжах обошла,
Ни убитого, ни раненого
Дроли не нашла.

Ягодиночка убит,
Убит под Севастополем.
Ему могила вырыта
Во саду под тополем.

Распроклятая Германия,
Страна не милая.
Загубила ягодиночку
И брата милого.

«Милый в армию пошел, надел рубашку белую...»

Армейская тема нашла широкое отражение в частушках нашего края. Подготовка парней к службе, последние дни перед отправкой, прощание с родителями (реже), с возлюбленной (чаще), наказы перед расставанием, переживания девушки, проводившей дню, девичья верность, ожидание весточки и, конечно же, измена — не без нее.

Допризывники гуляют,
Допризывникам почет,
Допризывники поедут,
Куда Сухона течет.

Милый в армию пошел,
Надел рубашку белую.
Теперь два года не придет,
Измены я не сделаю.

Милый в армию поехал.
Ничего не наказал.
Я спросила: «С кем знакомиться?»
На камень показал.

Проводила дролю в армию —
Второго на году.
Если третьего потребуют —
Четвертого найду.

Не дожидаться тех минут,
Когда из армии придут,
Наденут белые рубашки,
На гуляночку пойдут.

«Задуманная подружка, задуманная ты мне...»

Частушек, обращенных к подружке дорогой, задуманной, в памяти хранительниц больше всего. Это и понятно: самые сокровенные сердечные тайны девушка могла доверить лишь подружке — ровеснице, которая и порадуется вместе, и посочувствует.

Такие частушки рассказывают и о счастливой, и неразделенной любви. Адресат в ней называется и задуманной подружкой, и просто подружкой, подруженькой, и задуманной товаркой, товарочкой.

Задуманная подружка,
Ты моя родная кровь.
Не вернется и не надо
Дроли старая любовь.

Задуманная подружка,
Дролечка куражливой,
Зародилась неуважлива —
Не быть уважливой.

Задуманная подруженька,
Пойдем в зеленый луг,
Вспомним старую гуляночку.
Заплачем обе вдруг.

Задуманная товарочка,
По-моему гуляй:
Не по лицу, а по характеру
Залетку выбирай.

Вечера такие длинные
И ночи темные.
Давай наденем, задуманная,
Платочки черные.

Задуманная подружка,
Платье с орехами.
Все по ягоды пошли,
А мы плясать поехали.

«Поиграй повеселее русского веселого...»

В старые добрые времена в наших деревнях, когда кончалось самое напряженное крестьянское время, урожай был уже в закромах, проходили посиделки. Собиралась молодежь обычно в разных избах по очереди. Но и это были не праздные гулянки: девушки работали, приходя с прялкой. Бывало и такое, что снимали дом у одинокой женщины, помогая ей в домашних работах (одной не осилить).

А парни, как повелось на Севере Руси, с гармошкой. Тальянка сопровождала и все сельские праздники. Парень, хороший гармонист, состоял в большом почете. И юноши состязались в игре, желая понравиться. Звучали частушки.

Поиграй повеселее,
Ну, еще повеселей.
Чтобы время невеселое
Катилось побыстрей.

Поиграй повеселее
Русского веселого,
Чтобы листья повалились
С дерева зеленого.

Поиграй повеселее
Русского отпетого.
Любила Ваню-хулигана,
Хорошо одетого.

Поиграй повеселее.
Я спою печальную.
Проводила дорогого
В путьдорожку дальнюю.

Поиграй повеселее,
Роза фиолетова,
Тебя розой называют,
Ты и стоишь этого.

«Разрешите поплясать, разрешите топнуть...»

Праздники на селе в старину — веселые гулянья, собиравшие молодежь (да и не только ее) со всей округи. Задорная частушка под лихую дробь пляски раздавались в каждом заулке, один плясун сменял другого и снова — без усталости. Каждый пел свою частушку, не повторяясь, поэтому плясовых куплетов бытовало великое множество. Вот некоторые из них.

Я пойду и попляшу
По полу суковатому.
За веселую игру
Спасибо кудреватому.

Выходи да и заплясывай,
Подруга верная.

До измены не догуливай,
Измена вредная.

Выходи, моя подруга.
Выходи и выходи,
Гармониста не задерживай,
Меня не подводи.

Выходи плясать напарочку,
Не знаю, чья кого.
Я тебе повыпеваю
Вместо дроли моего.

Я еще бы поплясала,
Да игрок-от молодой.
Наверно, рученьки устали
У тебя, мой дорогой.

«Вспомни, милый, как гуляли и как расставались...»

Девичьи частушки, обращенные к милому (дорогому, дроле, ягодиночке), самые распространенные. Их тема извечна — любовь, верная и безответная, счастливая и неразделенная. И частушки этого цикла чаще всего лирические — исповедальные, откровенные, излучающие горечь разлуки, реже — с издевкой.

Я любила, милый, вас
Из-за карих из-зи глаз,
Глазки карие, веселые —
Какая пара нас.

Я любила тебя, дролечка,
Любила, каялась.
Я не знала, что тебе
Моя подруга нравилась.

Ягодиночка красивый,
Лучше розы алые,
Из красивого местечка,
Из деревни малые.

С ягодиночкой гуляли,
Были ночи лунные.
Не краса его nonравилась,
А речи умные.

Ты не думай, ягодиночка.
Не хаживать на смех:
Четыре брата — одна кепка,
Перекидывай на всех.

«Говорят, что мне измена, говорят, изменушка...»

Измена... Что может быть горче, обиднее, особенно, когда любовь казалась крепкой, вечной. Измена — постоянная спутница частушки. В этих откровениях мы видим незажившую душевную

рану, запоздалое чувство вины, слепою веру в избранника и, наконец, даже насмешку. Вчитайтесь.

Было время, запою —
Березка закачается,
Вот тепере запою —
Измена получается.

Платье желтое надела.
В зеркало гляделась —
Хорошо перед изменой
Девушка оделась.

Ягодиночка причесывает
На бок волоса.
От изменушки завсичивает
Серые глаза.

Голубая незабудка,
Не расти у берегов.
Лучше девушке измена,
Чем неверная любовь.

Меня милый изменил,
Думает, заплакаю.
Я такого, прости Господи,
Из глины сляпаю.

«Супостатка хороша — я ее не хуже...»

Частушки этого цикла — о сопернице (супостатке), перешедшей дорогу в любви. Они в большинстве своем высмеивают девушку, отбившую любимого парня, указывают на ее недостатки, отыскивают какой-то изъян. В них много негодования, издевки, порой даже угрозы.

Супостаточка моя
Ростиком бахвалится,
Она велика, да тонка —
Скоро перевалится.

Супостаточка-вертушечка
Мазила пролила.
Без мазил-то не намажешься —
Увидим, какова.

Супостатка, супостатка,
Супостатка, вот тебе!
Юбка, кофта и жилетка —
Все чужое на тебе.

Супостатка белая,
Я-то загорелая.
Она во горенке сидела —
Я по воле бегала.

Супостатка хороша —
Я ее не хуже.
Попадется на дороге —
Закупаю в луже.

«Говорят, что боевая, боевая я и есть...»

Частушки, объединенные этой строкой, задористые, громкие. Они раскрывают девичью гордость, непреклонность, бойкий нрав. И исполняются они по-особому, можно сказать, с вызовом.

Говорят, что боевая,
Боевая я и есть,
Нынче тихие не в моде —
Боевым большая честь.

Говорят, что боевая,
Я и, правда, боюшка,
Мне и дома от родителей
Большая волюшка.

Говорят, что боевая,
Я и, правда, ураган:
На горячий камень встану,
А милого не отдам.

«Не ругай, мама, за дролю — скоро дроля будет зять...»

При выборе суженого в прежние времена всегда считались с родителями. Далеко не всегда родители одобряли этот выбор. Зависимость от родителей жениха (невесты) сильно чувствуется в частушках более старых.

Полюбила гармониста,
Заругала меня мать.
Не ругай меня, мамаша,
Развеселый будет зять.

Мама, чаю не хочу,
Не надо и заваривать.
Мама, замуж я хочу,
Не надо отговаривать.

Интересная какая
Мать у ягодиночки:
Сына ставит высоко,
Меня — ниже травиночки.

За высокие хоромы,
Папенька, не отдавай,
Человек дороже дома —
Человека выбирай.

Меня дома караулят.
Что вы караулите?
Видно, дролю моего,
Родители, не любите.

«Задушевный мой товарищ, сроду не расстанемся...»

Эти частушки особые, парничьи. Им присуща своя манера исполнения — мужская. И лексика их особая. Они рассчитаны на парное исполнение в пляске.

Задушевный мой товарищ,
Сроду не расстанемся.
Наши дроли выйдут замуж —
Холостым останемся.

Ты пляши, пляши, товарищ,
Дроби выколачивай,
На мою сударушку
Глаза не выворачивай.

Мой товарищ наплясался —
Я на выручку пошел.
Лучше этого товарища
В народе не нашел.

Все товарищи женились,
Все сударушек берут.
Я бы взял свою сударушку,
Да дома не дают.

Мы ребята-моляки,
Поили коней у реки.
Темно-карего коня
Поила милая моя.

«Хулиганом зародился — всей деревне надоел...»

Этот цикл продолжает парничьи частушки, только они более озорные, задиристые, потому что — хулиганские. И в комментариях не нуждаются.

Хулиган мальчишка я,
Не любят девушки меня.
Полюбите девушки,
Не сделаю изменушки.

Хулиган мальчишка я,
Не любят девушки меня.
Хоть любите, не любите —
Хулиганить буду я.

Хулиганом зародился —
Всей деревне надоел.
Все старухи Богу молятся:
Скорей бы околел.

Мы ребята-ёжики,
В карманах у нас ножики,
Ножики не точены.
Ребята не колочены.

На мне белая рубаха,
Вся исколотая грудь,
За хорошую девчонку
Похоронят где-нибудь.

Во деревнюшку заходим —
На ножи, на топоры.
Сероглазая калиточку
Открыла до поры.

«Запросватали телегу за дубовый тарантас...»

Большой интерес представляют частушки шуточные, с добрым юмором, высмеивающие незадачливых кавалеров, нерасторопных девушек, отпетых лентяев, горьких пьяниц, наше неразумное житье-бытье. Когда их слушаешь, невольно улыбнешься.

Говорят, одежды нету —
Вешала да вешала:
Юбка в клетку, юбка в клеш —
Какого еще лешева?

Запросватали телегу
За дубовый тарантас.
Покатились слезы горькие
У лошади из глаз.

Бригадир идет дорогой,
А бригада стороной.
Навернули бригадире
Деревящой борошой.

Раскатилась поленища —
Еловые дрова.
Это вся интеллигенция
Съезжала со скотного двора.

Под горой собаки лают —
Чья-то парочка идет:
Мама в беленьких ботинках
Павку пьяного ведет.

Частушки Вологодского края отражают многие стороны бытия сельского жителя. Они разнообразны по тематике, по силе воздействия, по эмоциональному накалу, наконец, поэтическому совершенству. Но все они утвердились в своем праве на долгую жизнь в народной памяти. Их поют многие-многие десятилетия: талант крестьянский сочиняет новые куплеты, и они выверяются временем

* * *

В деревнях наших много талантливых женщин-хранительниц старины. Прожив нелегкие жизни в ладу с трудом и природой, они сумели сохранить и свои души, добрые и чистые, созданные для поэзии и песни.

Спасибо им за то, что сохранили, берегут и щедро передают молодым, чьи открытые сердца тянутся к доброму и светлому.

Содержание

	Стр.
«Сон да Дремота — Ване спать охота...»	4
«Сорока-ворона! кашу варила...»	7
«Где моя большая ложка?..»	11
«Жили-были старик со старухой...»	14
«Сказать тебе сказочку?..»	21
«Сиди дома — не гуляй...»	24
«Дождик, дождик, пуще!..»	28
«С этих пор говорить бросим...»	32
«Поселились мудрецы в застекленные дворцы...»	37
«Мы собрались поиграть...»	41
«Цвет ума народного»	47
«Я с вами, воинов русских жены!..»	50
«Родному звуку вторит сердце и откликается душа...»	56
«Поиграй повеселее русского веселого...»	61

Сдано в набор 2.03.95 г. Подписано к печати 22.05.95 г. Печать высокая.
 Формат 60x84|16. Объем 3,72 усл. п. л. Тир. 1000. Заказ 906.
